

ГЕОРГИЙ САТАРОВ. ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ: ДЕЛО «АГЕНТОВ»

[Ежедневный журнал](#), 24 мая – 3 июня 2013 года

Размещая данную статью на сайте «ЕЖа», я обращаюсь к читателям, которых часто называют «продвинутыми», имея в виду их интерес к политике. Проблема в том, что в этой группе, как это ни противоречит «продвинутой», немало тех, кто крайне слабо понимает суть происходящего, когда дело касается нынешней массивной атаки власти на некоммерческие организации. Начиная с вопроса: «А почему бы вам не зарегистрироваться в качестве агентов? Мы же знаем, что это все лажа. Мы же не перестанем вас уважать» и заканчивая соображением: «Нельзя быть независимыми и объективными на иностранные деньги». Я пишу для них. Впрочем, возможно – и не только для них. Читатель сам решит, прочитав написанное. Я пишу все, что вы прочитаете, поскольку считаю попытку власти подавить гражданское общество самой важной дурью и самым бездарным преступлением за весь период, начиная с миллениума. Такое безапелляционное утверждение может показаться преувеличением. Но это совсем не так, что я намерен доказать.

В этой проблеме не разобраться, если не рассмотреть ее с разных сторон. А они таковы (в порядке, в котором они будут обсуждаться ниже):

- общая стратегия власти внутри страны;
- изменения массовой психологии власти;
- в чем смысл существования общественных организаций;
- сами поправки об агентах;
- практика применения этих поправок.

И конечно, надо понять, чем вся эта антиагентская затея может закончиться.

Главное в стратегии власти (точнее – правящей группировки) внутри страны – ограничение или уничтожение всякой независимости и автономии. Нестрого следуя хронологии, перечислю успехи группировки на этом стратегическом направлении:

- региональные элиты выброшены из Совета Федерации;
- отменены губернаторские выборы;
- резко сокращена доля субъектов федерации в структуре налоговых доходов;
- резко перераспределена доля доходов от продажи сырьевых ресурсов в пользу федеральной власти;
- сведена на нет независимость местного самоуправления;
- взяты под жесткий контроль все телеканалы массового вещания;
- взят под жесткий контроль любой успешный бизнес;
- резкий рост участия должностных лиц в бизнесе;
- значительно выросла доля государственной собственности, в том числе – за счет криминального захвата частного бизнеса размножившимися госкорпорациями;
- уничтожена политическая конкуренция;
- вытеснена на обочину политической жизни оппозиция и ее лидеры;
- ликвидирована самостоятельность законодательной власти;
- взято под жесткий контроль принятие судебных решений по всем вопросам, касающимся интересов правящей группировки;
- заблокированы любые формы народовластия.

Фактически, произошел антиконституционный переворот. И резонно спросить: зачем это было нужно? Ответ таков. Первое: правящая группировка добивалась полного контроля над рентой и ее распределением. Сначала шла речь о природной ренте, потом стали захватывать все, до чего дотягивались руки. Второе: необходимо было обеспечить бессрочный контроль над рентой, добиться несменяемости правящей группировки. Для решения второй задачи понадобилось подавить, подчинить или уничтожить все, что представляло угрозу несменяемости власти. Поскольку решение этих задач сопровождалось тотальным нарушением законов (я говорю не только о коррупции), возник страх и необходимость сделать все, чтобы избежать ответственности или максимально оттянуть ее.

Следует сказать, что все перечисленные выше успехи правящей группировки были достигнуты ею довольно легко. Чтобы шугануть региональные элиты и сделать их послушными, было достаточно объявить в нулевом году о начале борьбы с самовластьем и коррупцией «региональных баронов». Бароны все поняли и, как бараны, пошли в загон. Несложно было и с бизнесом: переходный период всегда набивает скелетами шкафы служебных кабинетов генеральных директоров. СМИ сдались, поскольку завязли в теневых рекламных доходах. Депутатов вульгарно скупили на корню, в первую очередь – соблазнив независимостью от избирателей.

А вот с общественными организациями не сложилось. Поначалу их просто не замечали. Потом решили приручить как возможного партнера бюрократии в благородном деле легитимации Путина. Для этого в ноябре 2001 г. собрали Всероссийский гражданский форум. Но в результате оказалось, что общественные организации извлекли из этого больше пользы для своей работы, чем Путин выгоды для себя лично. Роман стал постепенно ослабевать, а разрыв произошел после «революции роз» в Грузии (2003 г.) и «оранжевой революции» на Украине (2004 г.), которые привели правящую российскую группировку в состояние близкое к паническому. В обеих странах активными участниками революций были общественные неполитические организации. И поэтому власть начала поход и против оппозиции, и против общественных организаций.

Параллельно росло число преступлений власти, и правозащитники не только недвусмысленно выражали свое отношение к ним, но и активно защищали жертв преступлений. В 2004 г. после Бесланской трагедии и действий власти, эксплуатировавших эту трагедию, появился Гражданский конгресс, который стал площадкой, на которой происходило взаимодействие общественных организаций и оппозиции. В начале 2006 г. нам показали по зомбоящику шпионский камень, а главными шпионами назначили правозащитников во главе с Людмилой Алексеевой. Однако атака на общественные организации с помощью банального компромата оказалась еще одной из проваленных затей Суркова. После этого начался период «ни войны, ни мира», как сказал бы Лев Троцкий. Сей период завершился после страха, испытанного правящей группировкой в конце 2011 года, что не могло не закончиться мстостью. Именно этим чувством пропитан весь первый год последнего путинского президентства.

Ненависть, вызванная страхом, усугублялась тем, что общественные организации, бедные, не рвущиеся к власти и далекие от мобилизационной сплоченности, не оказались легкой добычей. Их нечем было шантажировать, их трудно было подкупать, и запугивание не очень срабатывало. Потому к ненависти добавлялся неистовый и мучительный ресентимент. И искреннее непонимание природы этого врага, тем более опасного, поскольку непонятного. Они действительно не понимают, зачем эти нищие лузеры, правозащитники, экологи, отчаянные борцы с коррупцией, пытками, произволом, делают то, что они делают, по всей стране, без видимых признаков результата, символизирующего успех. И потому они приписывают им тайные замыслы, инспирируемые извне. Это даже не всегда вранье. Это просто такой образ мысли, такая картина мира, в которой нет места ни чести, ни гордости, ни сопереживанию, ни гражданственности, ни настоящему патриотизму.

Я не склонен идеализировать общественные организации. Там бывает всякое – от трусости до жадности. Даже предательство. Это ведь люди. Но там – другой мир, с социальной точки зрения. Об этом – дальше.

Я хочу начать с одной обширной цитаты из Василия Осиповича Ключевского, нашего гениального историка. Объясняя в своем «Курсе русской истории» Смутное время и восшествие на престол династии Романовых, он писал так:

«Когда перед европейским государством становятся новые и трудные задачи, оно ищет новых средств в своем народе и обыкновенно их находит, потому что европейский народ, живя нормальной, последовательной жизнью, свободно работая и размышляя (*выделено мной – Сатаров*), без особенной натуги уделяет на помощь своему государству заранее заготовленный избыток своего труда и мысли ... Все дело в том, что в таком народе культурная работа ведется незримиыми и неуловимыми, но дружными усилиями отдельных лиц и частных союзов независимо от государства (*выделено мной – Сатаров*) и обыкновенно предупреждает его нужды.

У нас дело шло в обратном порядке. Когда царь Михаил, сев на разоренное царство (*далее описываются мытарства первого Романова – Сатаров*) ...

С тех пор не раз повторялось однообразное явление. Государство запутывалось в нарождавшихся затруднениях; правительство, обыкновенно их не предусматривавшее и не предупреждавшее, начинало искать в обществе идей и людей, которые выручили бы его, и, не находя ни тех, ни других, скрепя сердце, обращалось к Западу, где видело старый и сложный культурный прибор, изготовлявший и людей и идеи, спешно вызывало оттуда мастеров и ученых, которые завели бы нечто подобное и у нас, наскоро строило фабрики...» (почитайте дальше сами – подивитесь, как Ключевский описывает российские циклы догоняющей модернизации).

Вдумайтесь, дорогие читатели, эти слова были написаны сто десять лет назад! Про времена трехсотлетней давности, про тогдашнюю Россию и тогдашнюю Европу. Из этой цитаты следует не только то трагическое обстоятельство, что путинский режим отбрасывает Россию на триста лет назад. Важнее другое – то, из чего Ключевский выводит историческую динамику Европы: из постоянной незримой свободной работы людей и их союзов, независимых от государства. Если пользоваться современной терминологией, Ключевский пишет о гражданском обществе и о его определяющей роли в исторической динамике.

Сто десять лет спустя трое американских ученых – Дуглас Норт (лауреат Нобелевской премии), Джон Уоллис и Барри Вайнгаст – выпускают книгу «Насилие и социальные порядки», предлагающую новый взгляд на историческую динамику. В ней они доказывают, что главное различие между современными эффективными демократиями и традиционными неэффективными государствами пролегает по следующему критерию: первые не ограничивают доступ к свободному созданию независимых от государства организаций, вторые ограничивают и контролируют их. И только на втором месте другой критерий различения, связанный с проблемой насилия. И это понятно: только сильное гражданское общество в состоянии поставить под контроль насилие. Забавно – путинскую Россию авторы ставят в один ряд со средневековой Англией, Нигерией, Кенией, Аргентиной, Мексикой.

И теперь я хочу прибегнуть к последней ссылке, на сей раз из замечательного труда моего друга Александра Александровича Аузана «Институциональная экономика для чайников». При внимательном чтении там можно обнаружить вот какие слова: «Любой вопрос, который решает государство, можно решить без его участия». Это может показаться полным бредом с привычной, обывательской точки зрения. И непросто убедиться, что это верно – только при тщательных исследованиях, что и делалось неоднократно. Но кто же тогда решает эти вопросы? Ответ очевиден: общество, самоорганизующиеся граждане. Государство нужно только постольку, поскольку оно в состоянии решать какие-то общественно-важные задачи с меньшими издержками. Власть в современном государстве – это корпорация, создаваемая гражданами для производства отдельных общественных благ вроде безопасности, разрешения конфликтов (суды), образования, здравоохранения и т.п. Эта корпорация нужна постольку, поскольку она в состоянии обеспечивать эти блага. Как это делает наша власть – пусть судят читатели.

Но наша власть про себя все знает – и про свою нелегитимность, и про свое воровство, и про свою бесполезность – и это ее безумно терзает. И еще больше ее терзает наличие конкурента – общества. Поэтому оно стремится его подавить и подчинить. Наша власть пытается убедить граждан, что гражданское общество – помеха, болтающаяся под ногами и мешающая делать ей, власти, ее нужные и величественные дела (строить трубопровод рядом с Байкалом, менять число часовых поясов и управлять временем восхода и захода, выкорчевывать леса под трассы с сомнительной географией, проводить олимпиады и чемпионаты, без которых жизнь власти пресна, принимать почести от западных лидеров, прильнувших к углеводородным отправлениям российской власти, и попросту безгранично и безнаказанно воровать). Власть распаковывает пробы со старыми мифами и заражает ими население, ища в этом свое спасение. Поэтому у нас появляются внешние враги и внутренняя пятая колонна.

Теперь наша власть не очень боится оппозиционных политиков (и может она права?), и все свои силы она направляет против некоммерческих организаций. Страх перед непонятной силой, ненависть к людям, занятым чем-то по настоящему нужным, зависть к чистой совести – вот горячее нынешней антиобщественной кампании.

Но вернемся к гражданскому обществу и его функциям. Перечислю и поясню главные из них, предполагая, что речь идет о политической системе, в которой некоммерческие организации со свободным входом и выходом из них создаются свободно и функционируют самостоятельно.

Первая функция (я уже об этом напоминал): возможность контроля над институтами насилия, которыми распоряжается власть. Общество само порождает организации, ставящие такие задачи (особенно в отношении полицейской силы), а власть не может препятствовать реализации таких целей в условиях политической конкуренции. Более того, власть сама идет на то, чтобы ставить такие институты насилия под контроль граждан, как это произошло во время полицейской реформы в США.

Вторая функция: только свободное создание организаций позволяет препятствовать появлению монополий в политике или экономике. Ведь свобода создания организаций распространяется и на сферу политической конкуренции, и на сферу экономики. В качестве следствия мы имеем контроль общества над распределением рент. Поинтересуйтесь из любопытства, как используется нефтяная рента в Норвегии.

Третья функция: огромное число свободно работающих негосударственных организаций образует инновационную среду, обеспечивающую развитие эффективных демократий. Все поистине новое рождается в этой среде – от первых персональных компьютеров до новых социальных идей. Власть, пытающаяся подавить и взять под контроль эту среду, обрекает страну либо на гибель, либо на загнивание в цивилизационном тупике.

У меня есть студент (скоро станет магистром) из Осетии, Ролан Дзгоев, он предложил симпатичную метафору. Опытный пастух в горах всегда идет позади стада. Из этой позиции ему легче следить за нападением волков или за уставшими и отставшими овечками. А стадо само находит лучшие пастбища, успешнее любого пастуха, даже самого опытного. Если пастух поведет стадо за собой, то либо все вместе свалится в пропасть, либо сдохнут от бескормицы.

Что ждет нас с нашим «пастухом» – пусть решают читатели.

Когда депутаты, или кремлевские пропагандисты, или главный из них, Путин, говорят, комментируя поправки об иностранных агентах: мы делаем, как у американцев, чего вы вопите?! — они лгут. Американский закон имеет в виду реальные агентские отношения и агентские услуги, когда тот, кто платит, вменяет в обязанность нанятому агенту (например, лоббистской организации) реализовать некоторый проект или осуществлять некоторую деятельность (скажем, пропагандировать отдых в стране-нанимателе). Здесь слово «агент» заимствовано в американском законе из совершенно другого словаря, не имеющего ничего общего со шпионажем и прочими прелестями ночных чекистских кошмаров. На самом деле идея о прилаживании к общественным организациям, не оказывающим никаких агентских услуг, шпионского ярлыка заимствована у некоторых

наших соседей по СНГ, которые сделали это ранее. Идея понравилась нашей правящей группировке именно своей пакостностью, возможностью использовать дремучие советские инстинкты, надеждой запачкать НКО хоть чем-то и тем самым компенсировать свои ресентиментные страдания.

Теперь перейдем от психологической потребности к практической «юридической» практике. Если конкретная организация идет на регистрацию в качестве «иностранного агента», то она подпадает под специальный юридический статус, предусмотренный поправками. Прежде всего, это режим усиленного и более частого контроля со стороны органов власти, режим усиленной и более интенсивной отчетности со стороны НКО. Такой режим сам по себе позволяет не только заблокировать работу общественной организации, но и закрыть ее. Кроме того, организации, получившие статус «иностранного агента», их руководители и сотрудники, легко попадают под действие других репрессивных законов, принятых за последние годы. Короче говоря, поправки об агентах устроены так, чтобы сначала унижить НКО, а потом уничтожить их. Все это стало ясно еще до подписания поправок Путиным. Ровно поэтому НКО, кто посоветовавшись, а кто самостоятельно, приняли единое решение: не регистрироваться в качестве «агентов», поскольку это не только не соответствует действительности, не только оскорбительно, но и бессмысленно — додают все равно.

Читатель вправе думать: ну вот, опять клеветает, злобствует. Отнюдь. Выдаю один незамысловатый интеллектуальный прием. Чтобы прояснить ситуацию, попробуйте сопоставить примененное решение, которое вы анализируете, с возможными иными решениями той же задачи. Если бы наша власть была искренне озабочена иностранным вмешательством во внутренние дела посредством зарубежного финансирования НКО, она могла бы решить эту проблему разными другими способами. Одно из решений напрашивается давно: создать внутреннюю благоприятную налоговую среду для благотворительности и финансирования деятельности НКО, во-первых, и отменить избыточный политический контроль за направлением этих денег — во-вторых. Так поступила бы умная власть, осознающая гигантский потенциал гражданского общества. Она решила бы поставленную задачу, а заодно обеспечила себе поддержку НКО и избавила себя от обструкций за рубежом. Но это в предположении, что власть умна, а ее психика не повреждена.

Аномальное состояние правящей группировки и ее цели разоблачаются также практикой применения нового законодательства. Применять закон должно было Министерство юстиции. Но поскольку поправки принимали в состоянии истерическом, закон попросту неприменим, нормы его неинтерпретируемы. Об этом министр юстиции заявил депутатам. Путин огорчился и пожаловался на жизнь своим коллегам-чекистам. Тут же встрепенулась прокуратура, затеяв противозаконные массовые проверки. Первая волна проверок, когда низовые исполнители пытались применить закон хоть сколько-нибудь близко к тексту, почти ничего не дала. Тогда Генеральная прокуратура закрутила повторную волну проверок, жестко инструктируя низовые звенья. Вот тут и началось тотальное беззаконие.

Если кто-то думает, что уничтожают избранных вроде ассоциации «Голос», занятой совершенно неприличным делом — контролем за процедурами выборов, стремясь содействовать честности выборов, то это не так. Столь же безумные и противозаконные решения, и прокурорские, и судебные, применяются ко всем организациям. Слегка различаются только последствия решений. Закон применяется не только произвольно, но и не единообразно (впрочем, непонятно, как юридическую бессмыслицу можно применять единообразно). Общая линия просматривается только в одном: она такая же, как и в преследовании участников шествия 6 мая 2012 года. Там отчетливо видно: репрессирован может быть любой, независимо от того, что он делал на площади, противодействовал провокациям полиции или стоял в стороне. Это сознательная стратегия тотального запугивания: виновны все, кто вышел на разрешенный митинг протеста. То же самое видно и в нынешней волне репрессий против НКО: обрушиваются на любых, независимо от того, чем они занимаются — изучением коррупции, как «Transparency International — Россия», социологическими исследованиями, как Левада-

Центр, защитой прав человека и изучением преступлений сталинизма, как «Мемориал», или просто сбережением аистов. Цель та же самая: уничтожить или запугать и подчинить всех. Ибо все они виновны в том, что независимы от этой власти.

Я хочу, чтобы было предельно ясно: иностранное финансирование НКО опасно для правящей группировки не тем, что оно иностранное, а тем, что оно обеспечивает организациям независимость выбора и содержания деятельности. Они искренне уверены, что если они (власть) платят, то они и музыку заказывают. Точно в том же они убеждены в отношении зарубежных доноров. Но на самом деле все выглядит иначе.

Давайте разберемся хотя бы с одним конкретным сюжетом — с правозащитниками. Среди множества человеческих талантов, нередко влияющих на выбор жизненного пути, есть талант обостренного чувства справедливости. Из таких вырастают правозащитники. (Для ясности: чувство справедливости — это не когда обижают тебя, а когда обижают других.)

А какого черта они защищают мигрантов и чеченцев! — негодуют многие. Ответ прост: правозащитники всегда проникают туда, где проваливается власть. Кто будет защищать мирных чеченцев в зоне боевых действий на территории собственной страны, если единственные представители власти там — сами военные, похищающие людей? Только правозащитники. А кто бросится защищать мигрантов, попавших в чужую им социальную среду, в которой они ничего не понимают, где отсутствуют привычные связи и механизмы защиты? Кому они нужны? Только правозащитникам. Если нет людей, указывающих власти на ее пробелы и заставляющие работать там, где, казалось бы, должностным лицам можно было бы сачкануть или воспользоваться чьей-то беззащитностью, то пробелы будут неизбежно превращаться в поля бесправия, пока они не охватят всю страну.

Власть никогда не работает на граждан, если граждане не прикладывают усилия, чтобы заставить ее работать на себя. Именно это делают правозащитники. Они защищают нас на дальних подступах бесправия, чтобы оно не добралось до всех. Нигде власть не любит правозащитников, именно потому, что они постоянно выявляют пробелы права в работе власти. Но не везде их стараются уничтожить. Для правозащитников финансирование, независимое от власти, — единственная возможность делать свое дело. Можно было бы мечтать о том, чтобы заботу о них взял на себя российский бизнес. Но те, кто может давать деньги, сами в жесточайшей зависимости от власти. А власть, дав малую толику, будет требовать послушания или попросту не даст денег тем, кто будет продолжать работать независимо. Можете мне поверить: Фонд ИНДЕМ прошел через этот опыт.

Что важнее всего из того, что я сказал, для простого гражданина России? Неважно, что движет правозащитниками. Конечно, среди них есть люди, для которых правозащита — всего лишь одна из возможных профессий, способ зарабатывать на жизнь. Такие люди есть везде — среди спортсменов, актеров или ученых. Но мотив не очень существенен. Например, нас не интересуют мотивы хозяина компании, которая выпустила новый утюг, красивый, функциональный и не очень дорогой. Мы ведь подозреваем, что он это сделал, чтобы повысить продажи и заработать побольше, стало быть, из корыстных побуждений. Но если утюг хорош и мы его покупаем, то мы прощаем бизнесмену его мотивы, даже не задумываясь о них. А самые образованные из нас знают, что удовлетворять свои стяжательские инстинкты, одновременно делая что-то полезное потребителям, бизнесмен будет, только если нормально работает рынок, по правильным правилам, поддерживающим конкуренцию.

В случае с правозащитниками — то же самое. Главное условие того, что они будут реализовывать свою полезную для общества миссию, — независимость от власти. Она обеспечивается двумя обстоятельствами: умеренным правовым контролем со стороны государства и независимым финансированием. Если все это уничтожить (что власть постоянно и делает), то даже настоящие подвижники ничем нам не помогут, а бесправие и произвол доберутся до любого из нас.

«Хорошо, – скажет читатель. – С правозащитниками Вы, господин Сатаров, меня убедили. Подозреваю, что подобным образом Вы убедите меня насчет экологов или борцов с коррупцией. Но скажите, пожалуйста, а что иностранцам от нас надо? Они что, просто так нам деньги дают?». Конечно, не просто так. Люди вообще что-то делают либо «от чего-то», либо «для чего-то», либо просто так, случайно. Можно не сомневаться, что деньги доноры не дают случайно.

Доноры делятся на две категории: государственные (как USAID) и частные. Частные фонды создавались (и создаются) очень богатыми людьми. Обратите внимание, что в России мы имеем дело с американскими частными фондами, и тому есть весьма прозаическая причина. В США огромный налог на наследство. Но та часть капитала, которая переводится в сферу благотворительности, такими налогами не облагается. Это когда-то стимулировало и стимулирует до сих пор создание фондов миллионерами и миллиардерами, собиравшимися с чистой (по возможности) душой предстать перед Всевышним, но при этом не стремившимися сильно пополнить бюджет родной страны. Принимается устав фонда, в котором определяется содержание его деятельности (развитие науки или помощь бездетным матерям и т.п.), и территории, на которых должна осуществляться эта деятельность (штат, страна, материк или весь мир). Дальше нанимаются люди, дело которых – управлять капиталом фонда и находить тех, кому можно дать денег на реализацию уставных целей (будь то научные исследования или противодействие пыткам). Люди идут работать в такие фонды по разным мотивам – кто находит работу, а кто считает такое дело важным и благородным.

А дальше происходит следующее. Если американский частный фонд приходит в какую-либо страну, то он объявляет в ней свою программу. А в стране есть НКО, занимающиеся решением различных задач. Если направленность работы конкретной организации совпадает с программой работы фонда, то они находят друг друга. Причем обычно каждая организация участвует в конкурсах: она подает свое предложение, а фонд его оценивает. Кстати, в современном капиталистическом мире стоимость компаний зависит от их социальной активности, в том числе – благотворительной. Поэтому благотворительность имеет еще и экономическую подоплеку, облагораживая репутацию компании и удорожая ее бренд.

Но есть и государственные благотворительные организации, которые распределяют деньги соответствующего государства. А они-то чего? Тут также есть два аспекта – символический и практический.

Из Второй мировой войны США вышли не только в числе победителей, но и премного разбогатев. Ведь война велась не на их территории, а промышленность скакнула крайне мощно. А за океаном была разрушенная Европа, на территории которой располагались американские войска. Этот контраст мог свести на нет плоды победы в сфере морали и престижа. И тут появился «план Маршалла», заключавшийся в огромных пожертвованиях США на восстановление разрушенной Западной Европы. Это позволило сохранить престиж и извлечь в будущем немало политических дивидендов. То был гигантский благотворительный проект, работавший на бренд страны. С тех пор экономически успешные страны считают государственную благотворительность практически полезной, а не только моральным долгом.

А теперь непосредственно к практике. Представьте, что у вас есть сосед по дачному участку. Ваша семья обихаживает ваш участок; у вас все растет – красиво и плодородно; уютный дом. А за забором – бездельник и пьяница, который к тому же, когда в сильном подпитии, любит жечь костры у себя на участке. Это ведь красиво, и чем больше костер – тем больше красоты. И существует постоянный риск, что сосед вас спалит. Есть три варианта. Первый: укокошить гада. Но это опасно: как на это посмотрит закон? Да еще и неизвестно кто кого. Второй: судиться. Но перспективы неясны: он ведь не на вашем участке жжет костры. И третий вариант: соблазнить его прелестями сельского труда, подарив ему саженцы облепихи и луковицы тюльпанов, подкинув стройматериалы и инвентарь из своих запасов. Стало быть – оказать некую благотворительность, пойдя на определенные издержки. Но они все равно много меньше, чем в результате пожара на

вашем участке от залетевших искр. Вот такой выбор. Эти странные западные правительства выбирают третий вариант.

А вообще-то, напомню еще раз. Их мотивы не очень существенны. Существенны дела. Я, к примеру, очень признателен зарубежным фондам и горжусь, что на иностранные деньги можно делать для моей страны что-то полезное. Мы ведь инвестиции в страну привлекаем. Мы все, кто реализует проекты на деньги зарубежных доноров. Это самые важные инвестиции – в человеческий и социальный капитал, в право и знания. При этом мы не должны возвращать эти деньги. Мы не обанкротимся сами и не обанкротим страну, в отличие от госкорпораций, назанимавших чертову прорву денег и давно попавших в зависимость от зарубежных кредиторов.

Осталось понять, что же будет дальше. Мы обязаны рассмотреть три сценария. При этом надо учитывать одно важное обстоятельство: атака на НКО – часть общего наступления на общество и граждан. Уже прошли сообщения о претензиях прокуратуры к обычным людям, участвовавшим в мероприятиях, проводившихся организациями, которым предъявлены претензии той же прокуратурой. Идет атака на независимых экспертов; происходящее с С. Гуриевым – только вершина айсберга. Как мне приходилось уже писать: атакой на НКО дело не ограничится. Ведь задача правящей группировки – подавить любую самостоятельную активность. Из этого и будем исходить.

Первый сценарий можно назвать «кремлевские мечты» (Кремль тут условное обозначение, география мечтаний, конечно, много шире и охватывает всю страну). Тут более или менее все ясно, если представить, что планы кремлевских реализовались. Результат таков: кто-то сидит, кто-то эмигрировал, кто-то затаился; иные пошли на услужение, но не уверен, что таковых будет много. Правозащитная деятельность замерла, высказывание независимых точек зрения становится исключительно редким и анонимным. Можно спокойно заканчивать раздербанивание страны.

Второй сценарий является продолжением первого, но не учитывается мечтателями. Этот сценарий касается среднесрочных последствий подавления НКО и прочей гражданской активности. Итак:

- Режим останется без правозащитного буфера, подчищавшего дефекты власти, что приведет к обострению социального недовольства в традиционно пассивных социальных группах.
- Резкое снижение общественного контроля приведет к росту коррупционной эксплуатации рент, что отрицательно скажется на финансово-экономической сфере и на способности власти выполнять социальные обязательства с теми же последствиями.
- Резко снизится экспертное качество информации, предоставляемой власти. Она будет не в состоянии адекватно распознавать и оценивать накатывающиеся проблемы и реагировать на них, что драматизирует ее крах.
- Окончательно исчезнут адаптационные возможности политической системы.
- Шансы на развитие пропадут.

Третий сценарий основывается на том, что социальная среда гражданского общества, которую пытается уничтожить власть, не пассивна, как, впрочем, и зарубежье. Сообщество НКО готово к активному сопротивлению, отстаиванию своих прав в судах, вплоть до Конституционного суда в России и Европейского суда по правам человека в Страсбурге. Готовятся и другие акции противодействия. Наши мечтатели плохо себе представляют, что атака на НКО российских властей – раздражитель для западных стран гораздо более существенный, чем «дело Магнитского» или Ходорковского с Лебедевым. Я не сомневаюсь, что реакция будет несопоставимо более жесткой. А на носу у правящей группировки уже начавшийся тяжелый кризис, который будет усугубляться и заставит мечтателей идти на поклон к западным кредиторам. Повторится ситуация, предшествовавшая началу Перестройки. С той только разницей, что все будет происходить быстрее, острее и с более ожесточенным обществом, более опытным и организованным, чем четверть века назад.

Весеннее обострение ожесточенной ненависти к обществу со стороны правящей группировки – психическая аномалия, поддержанная всеми институтами нелегитимного насилия, которые имеются в их распоряжении. Но, похоже, оно предвещает тяжелый кризис и летальный исход режима в перспективе более близкой, чем та, на которую они рассчитывают.

Георгий Сатаров